

Департамент культуры Ярославской области
Государственное учреждение культуры
Ярославской области
«Областная юношеская библиотека имени А.А. Суркова»
Отдел психологической поддержки молодежи

**Пространство ребенка
и его место в пространстве семьи**

Часть 1

Родительская жестокость

*Обзор литературы для
проведения занятий с молодыми родителями*

Ярославль
2015

ББК 78.303 + 88.8

П 77

Пространство ребенка и его место в пространстве семьи. Часть 1. Родительская жестокость / сост. Н.Г.Хрусталева; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова; ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», отдел психологической поддержки молодежи. – Ярославль, 2015. – 24 с.

©ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», 2015

К читателю

В данном методическом пособии мы продолжаем тему, связанную с воспитанием детей.

В наше время мы все чаще сталкиваемся с жестокостью в семье, когда родители забывают о том, какую важную роль они играют в судьбе своего ребенка, какое огромное влияние оказывают методы воспитания на формирование его характера, его личности.

Современная жизнь рождает массу причин, вызывающих агрессию в обществе и даже в семье, хотя именно семья должна быть теплой и безопасной, особенно для ребенка. Ведь то, что взрослый может воспринять без последствий для психики, ребенку наносит непоправимую травму. Детский и подростковый возраст – самый хрупкий и ранимый период, когда человек более всего беззащитен. И это очень важный период, поскольку закладывает базу восприятия окружающего мира на всю дальнейшую жизнь. Каким вырастет человек, если изначально этот мир встретит его безапелляционным «нельзя», жестоким «молчи», болью физической и эмоциональной, преследующим чувством стыда, обиды и непонимания?

Мы раскрываем эту тему на материале литературных произведений. Это три рассказа: *И. Бунин «Красавица»*, *А. Грин «Гнев отца»*, *Тэффи «Неживой зверь»* (в пособии предлагается полный текст этих рассказов), в каждом из которых рассматривается типичная жизненная ситуация, когда ребенок оказывается в трудном положении. Жестокость по отношению к нему носит скрытый характер. Это невнимание к его внутреннему миру, нежелание его понять, равнодушие. И все это со стороны близких людей, родителей, которые, как никто другой, должны стремиться к взаимопониманию, любви и поддержке.

Пособие предназначено для проведения занятий с молодыми родителями.

Родительская жестокость

В настоящее время часто обсуждаемой темой во всем мире стало жестокое обращение с детьми со стороны родителей и иных взрослых. Мы постоянно слышим об этом в средствах массовой информации.

Жестокое обращение с детьми (насилие)— это любое поведение по отношению к ребёнку, которое нарушает его физическое или психическое благополучие, ставя под угрозу его развитие и состояние здоровья. Различают четыре основных формы жестокого обращения с детьми:

1. Эмоциональное (психологическое) насилие
2. Физическое насилие
3. Сексуальное насилие, развращение
4. Беспризорность

В данном случае мы более подробно остановимся на эмоциональном (психологическом) насилии. Это хронические формы поведения родителей, при которых ребёнка унижают, оскорбляют, высмеивают, либо полностью игнорируют, не обращают внимания, пренебрегают, тем самым нарушая нормальное развитие его эмоциональной сферы.

Такие дети, как правило, не получают никаких позитивных подкреплений со стороны взрослых. Всё хорошее, что делает ребёнок, игнорируется, а любые негативные стороны поведения, наоборот, всячески подчёркиваются, сопровождаются оскорблениями и суровыми наказаниями. В результате эмоции ребёнка развиваются односторонне, самооценка занижается, он не в состоянии понимать свои чувства, чувства других и не научается реагировать адекватно.

Какие же нарушения в воспитании могут привести к жестокости? Это:

- Гипоопека (отсутствие заботы и внимания)
- Не всегда осознанное эмоциональное отвержение ребенка (напр. из-за плохих отношений с мужем, женщина подсознательно старается подавлять, а иногда жестко пресекать в собственном сыне проявление мужских качеств)
 - Непоследовательность в воспитании, в обучении детей правилам и нормам поведения
 - Вынесение конфликтов между супругами в сферу воспитания
 - Проекция нежелательных собственных качеств на ребенка
 - Эмоционально холодное, безразличное отношение к духовной, эмоциональной сфере ребенка, когда удовлетворяются только

материальные и физиологические его потребности.

- Доминирующая гиперопека (мнения и желания ребенка игнорируются, выражается недовольство его самостоятельными действиями, предъявляются завышенные требования).

- Применение неконструктивных, унижающих санкций, наказаний, которые не только не помогают ребенку осознать, в чем он провинился, но и вызывают страх и злобу. Многие дети не могут объяснить почему родители их ругают и наказывают. Они говорят: «я не знаю», «потому, что мама устала и была не в настроении», «за плохое поведение, за то, что бегаю, за то, что начинаю беситься, за то, что не хочу кушать» То есть до ребенка не доносится смысл, в чем его поведение на данный момент неприемлемо.

- Частая открытая агрессия вербальная и физическая.

Дети, которые страдают от жестокого обращения в семье, характеризуются отсутствием адекватной самооценки, страхом недооценки со стороны окружающих, хроническим чувством вины, беспомощности, высокой тревожностью, чрезмерной возбудимостью либо инертностью, низкой социальной гибкостью, затруднениями в общении с окружающими, выраженной агрессивностью, скрытой или явной враждебностью, протестными реакциями. Интеллектуальное развитие часто граничит со сниженной нормой.

Такие дети имеют массу комплексов и во взрослой жизни. Часто чувство неполноценности маскируется отчужденностью и безразличием в поведении. Жертвы насилия или жестокого обращения, как правило, боятся других людей, считают их опасными, враждебными и отрицают саму возможность обратиться к ним за помощью. Им сложно постоять за себя, отстаивать свои взгляды.

Возникает вопрос: почему же самые близкие люди занимают такую позицию по отношению к собственным детям? Ведь далеко не всегда можно сказать, что родители в этих семьях не любят собственных детей. Зачастую родители, прибегающие к методам «репрессивной педагогики», не всегда понимают ее влияние на детское развитие. Другой вариант – агрессия как самый быстрый и примитивный способ решения проблемы, усвоенный с детства и передающийся по наследству. Когда взрослый не считает нужным вести воспитательные беседы. Проще ударить без объяснения причин, чтобы на всю жизнь запомнил. Ребенок, конечно, запомнит, но только не совсем то, что нужно родителю.

Отсюда возникают две задачи, которые необходимо решать нашему

обществу:

- В первую очередь, помочь именно родителям осознать и исправить неконструктивные и жестокие способы взаимодействия с собственными детьми, оказать им психологическую поддержку, помощь.

- Второй задачей, конечно, стоит более раннее выявление проблем у ребенка, связанных с нарушениями в воспитании, и оказание ему психологической помощи. Своевременному установлению факта насилия часто препятствует стремление взрослых «не выносить сор из избы». Да и дети часто не понимают, а порой скрывают, что с ними плохо обращаются, продолжая прощать и любить своих родителей.

Заживают раны и затягиваются рубцы, полученные в результате физического насилия, но раны в душе, нарушения психики и болезненные вспышки воспоминаний оставляют глубокий след и мучают человека долгие годы.

Рассмотрим данную тему более внимательно на материале литературных произведений. Это три небольших рассказа замечательных русских писателей: А. Грин «Гнев отца», И. Бунин «Красавица», Тэффи «Неживой зверь».

Александр Грин "Гнев отца"

Накануне возвращения Беринга из долгого путешествия его сын, маленький Том Беринг, подвергся нападению тетки Корнелии и ее мужа, дяди Карла.

Том пускал в мрачной библиотеке цветные мыльные пузыри. За ним числились преступления более значительные, например, дырка на желтой портъере, сделанная зажигательным стеклом, рассматривание картинок в "Декамероне", драка с сыном соседа, - но мыльные пузыри особенно взволновали Корнелию. Просторный чопорный дом не выносил легкомыслия, и дядя Карл торжественно отнял у мальчика блюдце с пеной, а тетя Корнелия стеклянную трубочку.

Корнелия долго пророчила Тому страшную судьбу проказников: сделаться преступником или бродягой - и, окончив выговор, сказала:

- Страхись гнева отца! Как только приедет брат, я безжалостно расскажу ему о твоих поступках, и его гнев всей тяжестью обрушится на тебя.

Дядя Карл нагнулся, подбоченившись, и прибавил:

– Его гнев будет ужасен!

Когда они ушли, Том забился в большое кресло и попытался представить, что его ожидает. Правда, Карл и Корнелия выражались всегда высокопарно, но неоднократное упоминание о "гневе" отца сильно смущало Тома. Спросить тетку или дядю о том, что такое гнев, - значило бы показать, что он струсил. Том не хотел доставить им этого удовольствия.

Подумав, Том слез с кресла и с достоинством направился в сад, мечтая узнать кое-что от встреченных людей. В тени дуба лежал Оскар Мунк, литератор, родственник Корнелии, читая газету.

Том приблизился к нему бесшумным индейским шагом и вскричал:

- Хуг!

Мунк отложил газету, обнял мальчика за колени и притянул к себе.

- Все спокойно на Ориноко, - сказал он. - Гуроны преступили в прерию.

Но Том опечалился и не поддавался игре.

- Не знаете ли вы, кто такой гнев? - мрачно спросил он. - Никому не говорите, что я говорил с вами о гневе.

- Гнев?

- Да, гнев отца. Отец приезжает завтра. С ним приедет гнев. Тетя будет сплетничать, что я пускал пузыри и прожег дырку. Дырка была маленькая, но я... не хочу, чтобы гнев узнал.

- Ах, так! - сказал Мунк с диким и непонятным для Тома хохотом, который заставил мальчика отступить на три шага. - Да, гнев твоего отца выглядит неважно. Чудовище, каких мало. У него четыре руки и четыре ноги. Здорово бегаёт! Глаза косые. Неприятная личность. Жуткое существо.

Том затосковал и попятился, с недоумением рассматривая Мунка, так весело описывающего страшное существо. У него пропала охота расспрашивать кого-либо еще, и он некоторое время задумчиво бродил по аллеям, пока не увидел девочку из соседнего дома, восьмилетнюю Молли; он побежал к ней, чтобы пожаловаться на свои несчастья, но Молли, увидев Тома, пустилась бегом прочь, так как ей было запрещено играть с ним после совместного пуска стрел в стекла оранжереи. Зачинщиком, как всегда в таких случаях, считался Том, хотя на этот раз сама Молли подговорила его "попробовать" попасть в раму.

Движимый чувством привязанности и благоговения к тоненькому кудрявому существу, Том бросился напрямик сквозь кусты, расцарапал лицо, но не догнал девочку и, вытерев слезы обиды, пошел домой. Горничная, накрыв к завтраку стол, ушла. Том заметил большой графин с золотистым вином и вспомнил, что капитан Кидд (из книги "Береговые пираты") должен был пить ром на необитаемом острове, в совершенном и отвратительном одиночестве.

Том очень любил Кидда, а потому, влезши на стол, налил стакан вина, пробормотав:

- За ваше здоровье, капитан. Я прибыл на пароходе спасти вас. Не бойтесь, мы найдем вашу дочь.

Едва Том отхлебнул из стакана, как вошла Корнелия, сняла пьяницу со стола и молча, но добросовестно шлепнула три раза по тому самому месту. Затем раздался крик взбешенной старухи, и, вырвавшись из ее рук, преступник бежал в сад, где укрылся под полом деревянной беседки.

Он сознавал, что погиб. Вся его надежда была на заступничество отца перед гневом.

О своем отце Том помнил лишь, что у него черные усы и теплая большая рука, в которой целиком скрывалось лицо Тома. Матери он не помнил.

Он сидел и вздыхал, стараясь представить, что произойдет, когда из клетки выпустят гнев.

По мнению Тома, клетка была необходима для чудовища. Он вытащил из угла лук с двумя стрелами, которые смастерил сам, но усомнился в

достаточности такого оружия. Воспрянув духом, Том вылез из-под беседки и крадучись проник через террасу в кабинет дяди Карла. Там на стене висели пистолеты и ружья.

Том знал, что они не заряжены, так как говорилось об этом множество раз, но он надеялся выкрасть пороху у сына садовника. Пулей мог служить камешек. Едва Том вскарабкался на спинку дивана и начал снимать огромный пистолет с медным стволом, как вошел дядя Карл и, свистнув от удивления, ухватил мальчика жесткими пальцами за затылок. Том вырвался, упал с дивана и ушиб колено. Он встал, прихрамывая, и, опустив голову, угрюмо уставился на огромные башмаки дяди.

- Скажи, Том, - начал дядя, - достойно ли тебя, сына Гаральда Беринга, тайком проникать в этот не знавший никогда скандалов кабинет с целью кражи? Подумал ли ты о своем поступке?

- Я думал, - сказал Том. - Мне, дядя, нужен был пистолет. Я не хочу сдаваться без боя. Ваш гнев, который придет с отцом, возьмет меня только мертвым. Живой я не поддамся ему. Дядя Карл помолчал, издал звук, похожий на сдавленное мычание, и стал к окну, где начал набивать трубку. Когда он кончил это занятие и повернулся, его лицо чем-то напоминало выражение лица Мунка.

- Я тебя запру здесь и оставлю без завтрака, - сказал дядя Карл, спокойно останавливаясь в дверях кабинета. - Оставайся и слушай, как щелкнет ключ, когда я закрою дверь. Так же щелкают зубы гнева. Не смей ничего трогать.

- С тем он вышел и, два раза щелкнув ключом, вынул его и положил в карман.

Тотчас Том прильнул глазами к замочной скважине. Увидев, что дядя скрылся за поворотом, Том открыл окно, вылез на крышу постройки и спрыгнул с нее на цветник, подмяв куст цинний. Им двигало холодное отчаяние погибшего существа. Он хотел пойти в лес, вырыть землянку и жить там, питаясь ягодами и цветами, пока не удастся отыскать клад с золотом и оружием.

Так размышляя, Том скользил около ограды и увидел сквозь решетку автомобиль, несущийся по шоссе к дому дяди Карла. В экипаже рядом с пожилым черноусым человеком сидела белокурая молодая женщина. За этим автомобилем мчался второй автомобиль, нагруженный ящиками и чемоданами. Едва Том рассмотрел все это, как автомобили завернули к подъезду, и шум езды прекратился.

Смутное воспоминание о большой руке, в которой пряталось все его

лицо, заставило мальчика остановиться, а затем стремглав мчаться домой. "Неужели это мой отец?" - думал он, пробегая напрямик по клумбам, забыв о бегстве из кабинета, с жадной утешения и пощады. С заднего входа Том пробрался через все комнаты в переднюю, и сомнения его исчезли. Корнелия, Карл, Мунк, горничная и мужская прислуга - все были здесь, все суетились вокруг высокого человека с черными усами и его спутницы.

- Да, я выехал днем раньше, - говорил Беринг, - чтобы скорее увидеть мальчика. Но где он? Не вижу его.

- Я приведу его, - сказал Карл.

- Я пришел сам, - сказал Том, протискиваясь между Корнелией и толстой служанкой.

Беринг прищурился, коротко вздохнул и, подняв сына, поцеловал его в расцарапанную щеку.

Дядя Карл вытаращил глаза.

- Но ведь ты был наказан! Был заперт!

- Сегодня он амнистирован, - заявил Беринг, подведя мальчика к молодой женщине.

"Не это ли его гнев? - подумал Том. - Едва ли. Не похоже".

- Она будет твоя мать, - сказал Беринг. - Будьте матерью этому дурачку, Кэт.

- Мы будем с тобой играть, - шепнул на ухо Тома теплый щекочущий голос.

Он ухватился за ее руку и, веря отцу, посмотрел в ее синие большие глаза. Все это никак не напоминало Карла и Корнелию. К тому же завтрак был обеспечен.

Его затормошили и повели умываться. Однако на сердце у Тома не было достаточного спокойствия потому, что он хорошо знал как Карла, так и Корнелию. Они всегда держали свои обещания и теперь, несомненно, вошли в сношения с гневом. Воспользовавшись тем, что горничная отправилась переменить полотенце, Том бросился к комнате, которая, как он знал, была приготовлена для его отца.

Том знал, что гнев там. Он заперт, сидит тихо и ждет, когда его выпустят.

Прильнув к замочной скважине, Том никого не увидел. На полу лежали связки ковров, меха, стояли закутанные в циновки ящики. Несколько сундуков - среди них два с откинутыми к стене крышками - непривычно изменяли вид большого помещения, обставленного с чопорной тяжеловесностью спокойной и неподвижной жизни.

Страшась своих дел, но изнемогая от желания снять давящую сердце тяжесть, Том потянул дверь и вошел в комнату. К его облегчению, на кровати лежал настоящий револьвер. Ничего не понимая в револьверах, зная лишь по книгам, где нужно нажать, чтобы выстрелило, Том схватил браунинг, и, держа его в вытянутой руке, осмелев, подступил к раскрытому сундуку. Тогда он увидел гнев. Высотой четверти в две, белое четырехрукое чудовище озлило на него из сундука страшные, косые глаза.

Том вскрикнул и нажал там, где нужно было нажать. Сундук как бы взорвался. Оттуда свистнули черепки, лязгнув по окну и столам. Том сел на пол, сжимая не устающий палить револьвер, и, отшвырнув его, бросился, рыдая, к бледному, как бумага, Берингу, вбежавшему вместе с Карлом и Корнелией.

- Я убил твой гнев! - кричал он в восторге и потрясении. - Я его застрелил! Он не может теперь никогда трогать! Я ничего не сделал! Я прожег дырку, и я пил ром с Киддом, но я не хотел гнева!

- Успокойся, Том, - сказал Беринг, со вздохом облегчения сжимая трепещущее тело сына. - Я все знаю. Мой маленький Том... бедная, живая душа!

Вопросы для обсуждения:

- *Как чувствует себя ребенок, живя не с родителями, а с родственниками, с которыми нет душевной связи, которые выполняют свои обязанности добросовестно, но формально, без любви?*
- *Как мальчик воспринимает отца, которого давно не видел и почти не помнит?*
- *Как представляется ребенку «гнев отца»?*
- *Какое значение имеет первая встреча отца и сына? Смогут ли они восстановить прерванную связь, стать близкими людьми?*

В этом рассказе мы видим мальчика 7-8 лет. Своего отца он помнит плохо, давно его не видел, мать и вовсе не помнит (мы можем догадываться, что она умерла). Это всегда является испытанием для ребенка, когда он лишен прочных эмоциональных связей с самыми близкими людьми, лишен их понимания и поддержки. Его отец, путешественник Беринг, подолгу отсутствует и разлучается с сыном, в это время Том живет с родственниками — теткой Корнелией и ее мужем Карлом. Они воспитывают мальчика в строгих традициях и постоянно устраивают выговоры за его детские шалости, пророча Тому "страшную

судьбу проказников: сделаться преступником или бродягой". За Томом числились многочисленные преступления, которые просторный чопорный дом не выносит: дырка на желтой портьере, сделанная зажигательным стеклом, рассматривание картинок в "Декамероне", драка с сыном соседа, пускание мыльных пузырей в библиотеке.

И вот накануне возвращения Беринга тетка прибегла к самому сильному средству воздействия:

" - Страшись гнева отца! Как только приедет брат, я *безжалостно* расскажу ему о твоих поступках, и его гнев всей тяжестью обрушится на тебя.

Дядя Карл нагнулся, подбоченившись, и прибавил:

– Его *гнев будет ужасен!*"

Том знал, что они всегда держали свои обещания и были безжалостны в своей пунктуальности, он забился в большое кресло и попытался представить, что его ожидает. Воображение у мальчика было развито сильно, он представил себе гнев отца как страшное чудовище, огромное и опасное, сидящее в клетке. И родственники еще подлили масла в огонь: "Да, гнев твоего отца выглядит неважно. Чудовище, каких мало. У него четыре руки и четыре ноги. Здорово бегают! Глаза косые. Неприятная личность. Жуткое существо". Взрослые разыграли ребенка. Они и сами не ожидали, как серьезно он это воспримет и решит обороняться от гнева любой ценой.

И вот отец приехал, Том увидел автомобиль, несущийся к дому. «Смутное воспоминание о большой руке, в которой пряталось все его лицо, заставило мальчика остановиться, а затем стремглав мчаться домой... с *жаждой утешения и пощады*». И его ожидания оправдались. Отец поднял его на руки, поцеловал и сразу простил все его шалости. Но Том был в смтении, зная, что родственники на этом не успокоятся, гнев где-то рядом, и расправы не миновать.

Он решил обороняться и нашел револьвер в комнате отца, который оказался заряжен. "*Страшись своих дел, но изнемогая от желания снять давящую сердце тяжесть*", он, осмелев, стал палить из револьвера в гнев отца - белое четырехрукое чудовище из сундука, которое больше всего подошло под эту роль - пока не убил его. И, рыдая, бросился к бледному, как бумага, Берингу, вбежавшему в комнату. Но отец, со вздохом облегчения сжимая трепещущее тело сына, и на сей раз не думал его наказывать. *И не было у него никакого гнева*. Ведь он любил своего мальчика, ради него приехал на день раньше, торопя встречу после долгой разлуки. И наверняка он даже

радовался, что у мальчика «живая душа», что он шустрый и любопытный, ведь именно так ребенок познает мир, через активное взаимодействие с ним, именно так вырастают путешественники. Возможно, он вспомнил себя в детстве.

Но представьте — если бы отец занял позицию родственников, тетки Корнелии и дяди Карла, которые относились к мальчику свысока, бездушно, как чужие. Если бы отец осудил Тома, отчитал за непослушание, что бы чувствовал мальчик? Обида и разочарование лишили бы его доверия к отцу, и он уже никогда не побежал бы ему навстречу с надеждой и любовью.

Беринг приехал с молодой женой:

"- Она будет твоя мать, - сказал Беринг. - Будьте матерью этому дурачку, Кэт.

- Мы будем с тобой играть, - шепнул на ухо Тома теплый щекочущий голос.

Он ухватился за ее руку и, веря отцу, посмотрел в ее синие большие глаза. Все это никак не напоминало Карла и Корнелию."

Теперь у Тома появилось два близких человека, любящих и понимающих. И мы можем быть спокойны за него.

Эта история со счастливым концом, что бывает не так уж часто.

Иван Бунин "Красавица"

Чиновник казенной палаты, вдовец, пожилой, женился на молоденькой, на красавице, дочери воинского начальника. Он был молчалив и скромн, а она знала себе цену. Он был худой, высокий, чахоточного сложения, носил очки цвета йода, говорил несколько сипло и, если хотел сказать что-нибудь погромче, срывался в фистулу. А она была невелика, отлично и крепко сложена, всегда хорошо одета, очень внимательна и хозяйственна по дому, взгляд имела зоркий. Он казался столь же неинтересен во всех отношениях, как множество губернских чиновников, но и первым браком был женат на красавице — и все только руками разводили: за что и почему шли за него такие?

И вот вторая красавица спокойно возненавидела его семилетнего мальчика от первой, сделала вид, что совершенно не замечает его. Тогда и отец, от страха перед ней, тоже притворился, будто у него нет и никогда не было сына. И мальчик, от природы живой, ласковый, стал в их присутствии бояться слово сказать, а там и совсем затаился, сделался как бы несуществующим в доме.

Тотчас после свадьбы его перевели спать из отцовской спальни на диванчик в гостиную, небольшую комнату возле столовой, убранную синей бархатной мебелью. Но сон у него был беспокойный, он каждую ночь сбивал простыню и одеяло на пол. И вскоре красавица сказала горничной:

— Это безобразие, он весь бархат на диване изотрет. Стелите ему, Настя, на полу, на том тюфячке, который я велела вам спрятать в большой сундук покойной барыни в коридоре.

И мальчик, в своем круглом одиночестве на всем свете, зажил совершенно самостоятельной, совершенно обособленной от всего дома жизнью, — неслышной, незаметной, одинаковой изо дня в день: смиренно сидит себе в уголке гостиной, рисует на грифельной доске домики или шепотом читает по складам все одну и ту же книжечку с картинками, купленную еще при покойной маме, смотрит в окна... Спит он на полу между диваном и кадкой с пальмой. Он сам стелет себе постельку вечером и сам прилежно убирает, свертывает ее утром и уносит в коридор в мамин сундук. Там спрятано и все остальное добришко его.

Вопросы для обсуждения:

- *Почему отец отказался от сына, забыл о его существовании?*
- *Почему молодая жена не приняла мальчика и даже «спокойно возненавидела» его?*
- *Как чувствует себя мальчик, лишенный родительской любви?*
- *Как сложится его судьба?*

С первых строк рассказа мы видим фигуру отца. Чиновник — "пожилой", "молчалив", "скромен", "худой", "высокий", "чахоточного сложения", "говорил несколько сипло, срывался в фистулу", "казался не интересен во всех отношениях". "Носил очки цвета иода", что говорит о его отстранённости от реального мира, страхе перед жизнью, стремлении спрятаться от неё. Такой человек не вызывает у нас симпатии. Но тем не менее, будучи вдовцом, он нашел себе вторую жену, к тому же, как и первая, красавицу.

Она - красавица — "знала себе цену", "молоденькая", "невелика", "отлично и крепко сложена", "всегда хорошо одета", "очень внимательна и хозяйственна по дому", "взгляд имела зоркий".

И вот что случилось...

Молоденькая красавица "спокойно возненавидела" семилетнего мальчика от первой жены, "сделала вид, что совершенно не замечает его". Она поступила так, потому что хотела полного единовластия в

новом доме, чтобы не оставалось и следа от ее «соперницы», пусть даже умершей и не имеющей возможности повлиять на события. И ее муж, отец ребенка, воспринял это как должное, отдав бразды правления жене и положившись на ее «зоркий взгляд». С легкостью забыл он и сына, в угоду жене, под страхом ее недовольства, "притворился, будто у него нет и никогда не было сына".

Живой и ласковый мальчик наверняка был любим матерью, иначе он не был бы таким. Как мы знаем, отношения с матерью, наличие теплой постоянной доверительной связи с нею являются основой правильного здорового развития человека, его отношения к себе и к миру. Но в этом рассказе мать умерла, и мальчик пережил ее утрату. Он и сейчас помнит ее, читает единственную книжечку, купленную еще при маме, убирает свое добришко в мамин сундук. Отец, видимо, всегда стоял в стороне от ребенка и не установил с ним душевного контакта (такого, как в предыдущем рассказе) ни при жизни жены, ни тем более после ее смерти в силу своего характера или других причин.

Мачеха выбрала самый изощренный способ общения — это не насилие над ребенком с криками и битьем (что было ниже ее достоинства). Наоборот — она продемонстрировала полное отсутствие какого-либо интереса, как будто мальчика и вовсе не существует.

Семилетний ребенок уже достаточно самостоятелен, чтобы стелить себе постельку и прилежно убирать ее, читать по складам книжечку с картинками, рисовать домики на грифельной доске. Так он и живет, предоставленный самому себе, боясь сказать слово, читая шепотом, пряча все свое добришко в мамин сундук, стараясь быть незаметным и как бы несуществующим в доме. Вот только спит он беспокойно, сбивая простыню и одеяло — так сказывается напряжение, накопленное за день. Живет в своем круглом одиночестве на всем свете, как в тюрьме, не решаясь выйти на улицу и глядя только в окна.

Каким он вырастет (если вообще выживет), этот никому не нужный мальчик, какие события вторгнутся в его жизнь? Может быть, останется кротким, безмолвным и неуверенным в себе человеком. Или, наоборот, ожесточится, потеряв чувствительность к себе и к людям. В любом случае, он не сможет реализовать себя так, как если бы рос в семье с любящей матерью, или хотя бы мачеха не была такой жестокосердной при безразличном отце.

Рассказ вызывает сострадание и боль в нашем сердце. Без внимания и заботы ребенок, может быть, и выживет, но увянет и уже никогда не расцветет.

Тэффи "Неживой зверь"

На елке было весело. Наехало много гостей, и больших, и маленьких. Был даже один мальчик, про которого нянька шепнула Кате, что его сегодня высекли. Это было так интересно, что Катя почти весь вечер не отходила от него; все ждала, что он что-нибудь особенное скажет, и смотрела на него с уважением и страхом. Но высеченный мальчик вел себя как самый обыкновенный, выпрашивал пряники, трубил в трубу и хлопал хлопушками, так что Кате, как ни горько, пришлось разочароваться и отойти от него.

Вечер уже подходил к концу, и самых маленьких, громко ревущих ребят стали снаряжать к отъезду, когда Катя получила свой главный подарок — большого шерстяного барана. Он был весь мягкий, с длинной кроткой мордой и человеческими глазами, пах кислой шерсткой, и, если оттянуть ему голову вниз, мычал ласково и настойчиво: мэ-э!

Баран поразил Катю и видом, и запахом, и голосом, так что она даже, для очистки совести, спросила у матери:

— Он ведь не живой?

Мать отвернула свое птичье личико и ничего не ответила; она уже давно ничего Кате не отвечала, ей все было некогда. Катя вздохнула и пошла в столовую поить барана молоком. Сунула ему морду прямо в молочник, так что он намок до самых глаз. Подошла чужая барышня, покачала головой:

- Ай-ай, что ты делаешь! Разве можно неживого зверя живым молоком поить! Он от этого пропадет. Ему нужно пустышного молока давать. Вот так.

- Она зачерпнула в воздухе пустой чашкой, поднесла чашку к барану и почмокала губами.

- Поняла?

- Поняла. А почему кошке настоящей?

- Так уж надо. Для каждого зверя свой обычай. Для живого — живое, для неживого — пустышное.

Зажил шерстяной баран в детской, в углу, за нянькиным сундуком. Катя его любила, и от любви этой делался он с каждым днем грязнее и хохлатее, и все тише говорил ласковое мэ-э. И оттого, что он стал грязный, мама не позволяла сажать его с собой за обедом.

За обедом вообще стало невесело. Папа молчал, мама молчала. Никто даже не оборачивался, когда Катя после пирожного делала

реверанс и говорила тоненьким голосом умной девочки:

— Мерси, папа! Мерси, мама!

Как-то раз сели обедать совсем без мамы. Та вернулась домой уже после супа и громко кричала еще из передней, что на катке было очень много народа. А когда она подошла к столу, папа взглянул на нее и вдруг треснул графин об пол.

— Что с вами? — крикнула мама.

— А то, что у вас кофточка на спине расстегнута.

Он закричал еще что-то, но нянька схватила Катю со стула и потащила в детскую.

После этого много дней не видела Катя ни папы, ни мамы, и вся жизнь пошла какая-то ненастоящая. Приносили из кухни прислугин обед, приходила кухарка, шепталась с няней:

— А он ей... а она ему... Да ты, говорит... В-вон! А она ему... а он ей...

Шептали, шуршали.

Стали приходиться из кухни какие-то бабы с лисьими мордами, моргали на Катю, спрашивали у няньки, шептали, шуршали:

— А он ей... В-вон! А она ему...

Нянька часто уходила со двора. Тогда лисьи бабы забирались в детскую, шарили по углам и грозили Кате корявым пальцем.

А без баб было еще хуже. Страшно.

В большие комнаты ходить было нельзя: пусто, гулко. Портьеры на дверях отдувались, часы на камине тикали строго. И везде было «это»:

— А он ей... А она ему...

В детской перед обедом углы делались темнее, точно шевелились. А в углу трещала огневица — печкина дочка, щелкала заслонкой, скалила красные зубы и жрала дрова. Подходить к ней нельзя было: она злющая, укусила раз Катю за палец. Больше не подманит.

Все было беспокойное, не такое, как прежде.

Жилось тихо только за сундуком, где поселился шерстяной баран, неживой зверь. Питался он карандашами, старой ленточкой, нянькиными очками, — что Бог пошлет, смотрел на Катю кротко и ласково, не перечил ей ни в чем и все понимал.

Раз как-то расшалилась она, и он туда же, — хоть морду отвернул, а видно, что смеется. А когда Катя завязала ему горло тряпкой, он хворал так жалостно, что она сама потихоньку поплакала.

Ночью бывало очень худо. По всему дому поднималась возня, пискотня. Катя просыпалась, звала няньку.

— Кыш! Спи! Крысы бегают, вот они тебе уже нос откусят!

Катя натягивала одеяло на голову, думала про шерстяного барана, и, когда чувствовала его, родного, неживого, близко, засыпала спокойно.

А раз утром смотрели они с бараном в окошко. Вдруг видят: бежит через двор мелкой трусцой бурый кто-то, облезлый, вроде кота, только хвост длинный.

— Няня, няня! Смотри, какой кот поганый!

Нянька подошла, вытянула шею.

— Крыса это, а не кот! Крыса. Ишь, здоровенная! Этакая любого кота загрызет! Крыса!

Она так противно выговаривала это слово, растягивая рот, и, как старая кошка, щерила зубы, что у Кати от отвращения и страха заныло под ложечкой.

А крыса, переваливаясь брюхом, деловито и хозяйственно притрусилась к соседнему амбару и, присев, подлезла под ставень подвала.

Пришла кухарка, рассказала, что крыс столько развелось, что скоро голову отъедят.

— В кладовке у баринова чемодана все углы отгрызли. Нахальные такие! Я вхожу, а она сидит и не крянется!

Вечером пришли лисьи бабы, принесли бутылку и вонючую рыбу. Закусили, угостили няньку и потом все чего-то смеялись.

— А ты все с бараном? — сказала Кате баба потолще. — Пора его на живодерню. Вон нога болтается, и шерсть облезла. Капут ему скоро, твоему барану.

— Ну, брось дразнить, — остановила нянька. — Чего к сироте приметываешься.

— Я не дразню, я дело говорю. Мочало из него вылезет, и капут. Живое тело ест и пьет, потому и живет, а тряпку сколько ни сусли, все равно развалится. И вовсе она не сирота, а маменька ейная, может быть, мимо дома едет да в кулак смеется. Хю-хю-хю!

Бабы от смеха совсем распарились, а нянька, обмакнув в свою рюмку кусочек сахара, дала Кате пососать. У Кати от нянькина сахару в горле зацарапало, в ушах зазвенело, и она дернула барана за голову.

— Он не простой: он, слышишь, мычит!

— Хю-хю! Эх ты, глупая! — захюкала опять толстая баба. — Дверь дерни, и та заскрипит. Кабы настоящий был, сам бы пищал.

Бабы выпили еще и стали говорить шепотом старые слова:

— А он ей... В-вон... А она ему...

А Катя ушла с бараном за сундук и стала мучиться.

Неживуч баран. Погибнет. Мочало вылезет, и капут. Хотя бы как-нибудь немножко бы мог есть!

Она достала с подоконника сухарь, сунула барану под самую морду, а сама отвернулась, чтобы не смущать. Может, он и откусит немножко... Пождала, обернулась, — нет, сухарь не тронутый.

— А вот я сама надкушу, а то ему, может быть, начинать совестно.

Откусила кончик, опять к барану подсунула, отвернулась, пождала. И опять баран не притронулся к сухарю.

— Что? Не можешь? Не живой ты, не можешь!

А шерстяной баран, неживой зверь, отвечал всей своей мордой кроткой и печальной:

— Не могу я! Не живой я зверь, не могу!

— Ну, позови меня сам! Скажи: мэ-э! Ну, мэ-э! Не можешь? Не можешь!

И от жалости и любви к бедному неживому так сладко мучилась и тосковала душа. Уснула Катя на мокрой от слез подушке и сразу пошла гулять по зеленой дорожке, и баран бежал рядом, щипал травку, кричал сам, сам кричал мэ-э и смеялся. Ух, какой был здоровый, всех переживет!

Утро было скучное, темное, беспокойное, и неожиданно объявился папа. Пришел весь серый, сердитый, борода мохнатая, смотрел исподлобья, по-козлиному. Ткнул Кате руку для целованья и велел няньке все прибрать, потому что придет учительница. Ушел.

На другой день звякнуло на парадной.

Нянька выбежала, вернулась, засуетилась.

— Пришла твоя учительница, морда как у собачищи, будет тебе ужо!

Учительница застучала каблуками, протянула Кате руку. Она действительно похожа была на старого умного цепного пса, даже около глаз были у нее какие-то желтые подпалины, а голову поворачивала она быстро и прищелкивала при этом зубами, словно муху ловила.

Осмотрела детскую и сказала няньке:

— Вы — нянька? Так, пожалуйста, все эти игрушки заберите и вон, куда-нибудь подальше, чтоб ребенок их не видел. Всех этих ослов, баранов — вон! К игрушкам надо приступать последовательно и рационально, иначе — болезненность фантазии и проистекающий отсюда вред. Катя, подойдите ко мне!

Она вынула из кармана мячик на резине и, щелкнув зубами, стала

вертеть мячик и припевать: «Прыг, скок, туда, сюда, сверху, снизу, сбоку, прямо. Повторяйте за мной: прыг, скок... Ах, какой неразвитой ребенок!»

Катя молчала и жалко улыбалась, чтобы не заплакать. Нянька уносила игрушки, и баран мэкнул в дверях.

— Обратите внимание на поверхность этого мяча. Что вы видите? Вы видите, что она двуцветна. Одна сторона голубая, другая белая. Укажите мне голубую. Старайтесь сосредоточиться.

Она ушла, протянув снова Кате руку.

— Завтра будем плести корзиночки!

Катя дрожала весь вечер и ничего не могла есть. Все думала про барана, но спросить про него боялась.

«Худо неживому! Ничего не может. Сказать не может, позвать не может. А она сказала: в-вон!»

От этого ужасного слова вся душа ныла и холодела.

Вечером пришли бабы, угощались, шептались:

— А он ее, а она его...

И снова:

— В-вон! В-вон!

Проснулась Катя на рассвете от ужасного, небывалого страха и тоски. Точно позвал ее кто-то. Села, прислушалась.

— Мэ-э! Мэ-э!

Так жалобно, настойчиво баран зовет! Неживой зверь кричит.

Она спрыгнула с постели вся холодная, кулаки крепко к груди прижала, слушает. Вот опять:

— Мэ-э! Мэ-э!

Откуда-то из коридора. Он, значит, там...

Открыла дверь.

— Мэ-э!

Из кладовки.

Толкнулась туда. Не заперто. Рассвет мутный, тусклый, но видно уже все. Какие-то ящики, узлы.

— Мэ-э! Мэ-э!

У самого окна пятна темные копошились, и баран тут. Вот прыгнуло темное, ухватило его за голову, тянет.

— Мэ-э! Мэ-э!

А вот еще две, рвут бока, трещит шкурка.

— Крысы! Крысы! — вспомнила Катя нянькины ощеренные зубы. Задрожала вся, крепче кулаки прижала. А он больше не кричал. Его

больше уже не было. Бесшумно таскала жирная крыса серые клочья, мягкие куски, трепала мочалку.

Катя забилась в постель, закрылась с головой, молчала и не плакала. Боялась, что нянька проснется, ощерится по-кошачьи и насмеется с лисьими бабами над шерстяной смертью неживого зверя.

Затихла вся, сжалась в комочек. Тихо будет жить, тихо, чтоб никто ничего не узнал.

Вопросы для обсуждения:

- *Как ребенок воспринимает развод родителей?*
- *Почему и отец, и мать забыли о дочери?*
- *Как игрушка помогает девочке справиться с обстоятельствами?*
- *Как может повлиять одиночество ребенка на его дальнейшую судьбу?*

Мы видим происходящее вокруг глазами девочки Кати, главной героини рассказа. Катя живет в большом доме с мамой и папой. Вначале мы видим ее на веселой новогодней елке с гостями. Примечательно, что Катя обратила внимание на мальчика, которого «сегодня высекли. Это было так интересно, что Катя почти весь вечер не отходила от него; все ждала, что он что-нибудь особенное скажет, и смотрела на него с уважением и страхом. Но высеченный мальчик вел себя как самый обыкновенный», как будто это в порядке вещей. Катя была разочарована и удивлена, ведь над нею никто никогда не чинил физической расправы, и она воспринимала это, как событие чрезвычайное. Она еще не знала тогда, что вскоре ей самой придется пережить боль душевную, еще более сильную и не остающуюся без последствий.

На елке она получила в подарок большого шерстяного барана. «Зажил шерстяной баран в детской, в углу, за нянькиным сундуком. Катя его любила, и от любви этой делался он с каждым днем грязнее и хохлатее, и все тише говорил ласковое мэ-э. И оттого, что он стал грязный, мама не позволяла сажать его с собой за обедом».

Дом был большой, далеко не бедный, с прислугой, но в нем было холодно и неудобно из-за постоянных ссор между родителями. А вскоре и вообще стало невесело - папа молчит, мама молчит. А потом между ними разразился скандал, «после этого много дней не видела Катя ни папы, ни мамы, и вся жизнь пошла какая-то ненастоящая».

Родители, занятые выяснением отношений, вообще перестали обращать внимание на дочь, забыли о ее существовании, и стала она сиротой при живых родителях, за ней присматривала нянька.

«Все было беспокойное, не такое, как прежде.

Жилось тихо только за сундуком, где поселился шерстяной баран, неживой зверь. Питался он карандашами, старой ленточкой, нянькиными очками, — что Бог пошлет, смотрел на Катю кротко и ласково, не перечил ей ни в чем и все понимал».

Что будет дальше в семье? Судя по тому, как мама безразлично относится к дочери и давно ничего не отвечает на ее вопросы, неблагополучие возникло уже давно и росло постепенно. И вот оно стало прорываться в постоянных скандалах: «а он ей... а она ему...» В такие моменты присутствие Кати родителей не сдерживало, и нянька тащила ее в детскую. Дом полнился слухами, пересудами, прислуга смаковала происходящее.

Кате было одиноко и страшно. Особенно худо было по ночам, когда всюду шевелились тени и раздавался крысиный писк.

Мама в доме не появлялась. «Маменька ейная, может быть, мимо дома едет да в кулак смеется. Хе-хе-хе!» - посмеивалась прислуга. Однажды утром «неожиданно объявился папа. Пришел весь серый, сердитый, борода мохнатая, смотрел исподлобья, по-козлиному. Ткнул Кате руку для целованья». У него не возникло желания успокоить дочку, посадить на колени, пожалеть, сказать ей доброе слово, все объяснить. Он сбыл ее с рук, передал на воспитание учительнице.

Учительница пришла, и оказалось, что игрушки вовсе не входят в ее воспитательную систему: «все эти игрушки заберите и вон, куда-нибудь подальше, чтоб ребенок их не видел. Всех этих ослов, баранов — вон! К игрушкам надо приступать последовательно и рационально, иначе — болезненность фантазии и проистекающий отсюда вред».

И вот единственное близкое существо выкинули из дома, отдали на растерзание крысам, лишив Катю права голоса и возможности его защитить. «Катя дрожала весь вечер и ничего не могла есть. Все думала про барана, но спросить про него боялась.

«Худо неживому! Ничего не может. Сказать не может, позвать не может. А она сказала: в-вон!»

От этого ужасного слова вся душа ныла и холодела».

«Катя забила в постель, закрылась с головой, молчала и не плакала. Боялась, что нянька проснется, ощерится по-кошачьи и насмеется с лисьими бабами над шерстяной смертью неживого зверя.

Затихла вся, сжалась в комочек. Тихо будет жить, тихо, чтоб никто ничего не узнал».

Жить тихо — значит отказать себе в выражении чувств, заморозить

их, перестать чувствовать. Когда ребенок испытывает страх и боль, это не в силах пережить его ранимая детская душа. Когда негативные чувства запредельные, сознание отказывается от них. Но попутно оно отказывается воспринимать и все остальные чувства, в том числе и позитивные. Человек становится бесчувственный, холодный, словно замороженный. И ему трудно оттаять в подсознательном страхе вновь испытать душевную боль.

Три коротких рассказа, написанные нашими замечательными русскими писателями, дают нам возможность увидеть всю палитру детских чувств, которые испытывает ребенок в состоянии одиночества, без любви и внимания.

Обсуждение рассказов может быть полезно родителям, для того чтобы лучше понимать своих детей.

Список литературы

1. Бриш К. Теория привязанности и воспитание счастливых людей / Карл Бриш. - Москва: Теревинф, 2014. - 208 с.
2. Бунин И. А. Красавица // Бунин И.А. Темные аллеи. - Москва, 2005. - С. 282 -283.
3. Гиппенрейтер Ю. Б. Общаться с ребенком. Как? / Ю.Б. Гиппенрейтер. - Москва: АСТ, 2008. — 240 с.
4. Грин А. С. Гнев отца // Бунин И.А. Бегущая по волнам. - Москва, 1989. - С. 274 -279 с.
5. Млодик И.Ю. Метаморфозы родительской любви, или Как воспитывать но не калечить // И.Ю. Млодик. - Москва: Генезис, 2013. - 168 с.
6. Тэффи. Неживой зверь // Тэффи. Ностальгия. - Ленинград, 1989. - С. 59 -65.